

Турана Фаиз Кызы ДЖАББАРЗАДЕ,
orcid.org/0000-0001-5265-4901

докторант

*Института литературы имени Низами Гянджеви Национальной Академии Наук Азербайджана
(Баку, Азербайджан) turana.cabbarova@mail.ru*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Проблемы интертекстуальности или связи между текстами, исследованные уже в 70-х годах прошлого столетия, охватывают все этапы истории литературы. По этому поводу следует заметить, что использование образов, сюжетов, имен, известных нам по античной греческой литературе, фольклору восточных народов и классической литературе в каком-либо новом произведении, отнюдь не случайно. Такая реальность, заявляющая о себе в качестве продолжения литературных традиций, художественной памяти, а в иных случаях и в форме пародии, объясняется внутренними закономерностями словесного искусства или же может расцениваться как процесс создания текстов. Тот факт, что понятие «интертекстуальность», введенное Ю. Кристевой в конце XX века в литературоведческую науку (в дальнейшем оно получило широкое применение), в сущности, еще до этого являлось объектом филологических изысканий, лишь обозначает ранее незаметные стороны проблемы. Немалые заслуги в деле изучения истоков интертекстуальности имеют труды таких исследователей, как А. Веселовский, А. Потебня, а также представителей русского формализма: В. Тьянова, Б. Эйхенбаума, В. Шкловского, М. Бахтина. Рассуждения А. Потебни о прозе, проблемы, исследуемые А. Веселовским в контексте «параллелизма», Ю. Тьяновым – «пародии», М. Бахтиным – «диалогизма», имели целью пролить свет на особенности имплицитных и эксплицитных форм выражения в известных текстах, перекочевавших далее в новые. Можно утверждать, что создание художественного произведения путем заимствования фрагментов, образов и сюжетов из других текстов является процессом формирования нового текста и одновременно заслуживает быть расцененным как фаза именно современного характера, обеспечивающая связь между поколениями. Литераторы, занимающиеся творчеством в наши дни, добиваются связи между текстами путем использования образов, мотивов, а иногда даже просто имен героев, которые известны нам по древним мифам и легендам.

Ключевые слова: *интертекстуальность, художественный текст, литературоведение, формализм.*

Турана Фаиз ДЖАББАРЗАДЕ,
orcid.org/0000-0001-5265-4901

докторант

*Институту літератури ім. Нізамі Гянджеві Національної Академії Наук Азербайджану
(Баку, Азербайджан) turana.cabbarova@mail.ru*

ТЕОРЕТИЧНІ ДЖЕРЕЛА ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТІ

Проблеми інтертекстуальності або зв'язку між текстами, досліджені вже в 70-х роках минулого століття, охоплюють всі етапи історії літератури. З такого приводу слід зауважити, що використання образів, сюжетів, імен, відомих нам з античної грецької літератури, фольклору східних народів і класичної літератури в будь-якому новому творі, аж ніяк не випадково. Така реальність, яка заявляє про себе як продовження літературних традицій, художньої пам'яті, а в інших випадках і у формі пародії, пояснюється внутрішніми закономірностями словесного мистецтва або ж може розцінюватися як процес створення текстів. Той факт, що поняття «інтертекстуальність», введене Ю. Кристевой наприкінці XX століття в літературознавчу науку (надалі воно набуло широкого застосування), по суті, ще до цього було об'єктом філологічних пошуків, лише позначає раніше непомітні сторони проблеми. Чималі заслуги у справі вивчення джерел інтертекстуальності мають праці таких дослідників, як А. Веселовський, О. Потебня, а також представників російського формалізму – В. Тьянова, Б. Ейхенбаума, В. Шкловського, М. Бахтіна. Міркування О. Потебні про прозу, проблеми, досліджувані А. Веселовським у контексті «паралелізму», Ю. Тьянова – «пародії», М. Бахтіним – «діалогізму», мали на меті пролити світло на особливості імпліцитних та експліцитних форм вираження у відомих текстах, перекочували далі в нові. Можна стверджувати, що створення художнього твору шляхом запозичення фрагментів, образів і сюжетів з інших текстів є процесом формування нового тексту й одночасно заслуговує бути розцінено як фаза саме сучасного характеру, що забезпечує зв'язок між поколіннями. Літератори, які займаються творчістю нині, прагнуть зв'язку між текстами шляхом використання образів, мотивів, а іноді навіть просто імен героїв, які відомі нам за стародавніми міфами й легендами.

Ключові слова: *інтертекстуальність, художній текст, літературознавство, формалізм.*

Turana Faig JABBARZADE,

orcid.org/0000-0001-5265-4901

Doctoral Student

Institute of Literature named after Nizami Ganjavi Azerbaijan National Academy of Sciences
(Baku, Azerbaijan) turana.cabbarova@mail.ru**THEORETICAL SOURCES OF INTERTEXTUALITY**

The problems of intertextuality or the connection between texts, investigated already in the 70s of the last century, cover all stages of the history of literature. In this regard, it should be noted that the use of images, plots, names known to us from ancient Greek literature, folklore of Eastern peoples and classical literature in any new work is by no means accidental. This reality, which declares itself as a continuation of literary traditions, artistic memory, and in other cases in the form of a parody, is explained by the internal laws of verbal art or can be regarded as a process of creating texts. The fact that the concept of "intertextuality", introduced by Y. Kristeva at the end of the twentieth century into literary science (later it was widely used), and, in fact, even before that was the object of philological research, only denotes the previously invisible aspects of the problem. The works of such researchers as A. Veselovsky, A. Potebnya, as well as representatives of Russian formalism – V. Tynyanov, B. Eikhenbaum, V. Shklovsky, M. Bakhtin have considerable merits in the study of the origins of intertextuality. A. Potebnya's reasoning about prose, the problems studied by A. Veselovsky in the context of "parallelism", Yu. Tynyanov – "parody", M. Bakhtin – "dialogism", were aimed at shedding light on the features of implicit and explicit forms of expression in well-known texts, migrated further into new texts. It can be argued that the creation of a work of art by borrowing fragments, images and plots from other texts is a process of forming a new text and, at the same time, deserves to be regarded as a phase of a modern nature that provides a connection between generations. Literators engaged in creative work today achieve a connection between texts by using images, motives, and sometimes even just the names of heroes that are known to us from ancient myths and legends.

Key words: *intertextuality, literary text, literary criticism, formalism.*

Постановка проблемы. Вопросы исследования межтекстовых связей, или интертекстуальности, являются одной из проблем, находящихся в центре внимания современной литературной критики. Лингвистический раздел филологического анализа рассматривает такую проблематику в рамках дериватологии текста, а литературоведение – в качестве интертекстуальности. Следует подчеркнуть, что в литературоведении XX века возможности исследования интертекстуальности как лингвистического явления значительно расширились благодаря работам Ю. Кристевой. Помимо этого, в качестве теоретических истоков можно указать на работы о прозе А. Потебни, понятие «параллелизм» у А. Веселовского, «пародия» – Ю. Тынянова, «диалогизм» – М. Бахтина (Бахтин, 2002).

Анализ исследований. В некоторых работах подобное явление еще называют «вторым текстом». Это проекция отрывка, взятого из структуры первичного текста, в новый текст. Бывшее второстепенное в новом тексте приобретает новую функцию и отличается более сложным характером. Р. Якобсон в этом отношении подчеркивает, что «русский формализм тесно связан с поэтикой символизма как в качестве отправной точки, так и своими отличительными особенностями. Многие идеи формализм перенял у символиста А. Потебни» (Бекиргызы, 2019: 112).

Именно поэтому М. Гольберг подчеркивает, что «Потебня стоит у истоков современной тео-

рии диалога» (Дзык, 2003). В конечном счете можно резюмировать, что такой подход создает определенную аналогию между исследованиями А. Потебни и М. Бахтина. Близость теории интертекстуальности к идеям А. Потебни и переход на новый этап через его опосредование было продолжено концепцией полифонии М. Бахтина.

Следует также отметить, что в начале XX века Ю. Тынянов, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум как представители формальной школы активно подчеркивали роль пародии в видоизменении художественной формы. В частности, В. Шкловский писал, что «произведение искусства формируется на фоне других произведений или ассоциативно. Его форма определяется отношением к предшествующим формам. Не только пародия, но и каждое произведение искусства создается параллельно и в оппозиции к модели <...> Рождение Пантагрюэля из уха его матери было определенной пародией на Библию. Искусство – результат столкновения эпох и мировоззрений» (Шкловский, 1929).

Цель статьи – рассмотреть основные направления в понимании проблемы интертекстуальности в современной филологической науке путем анализа имеющихся парадигм и подходов.

Изложение основного материала. Формирование исторических связей между литературными текстами. Известно, что с течением времени общественно-политические формации сменяют друг друга, аналогичные ситуации

выводят на сцену известные тексты, однако в новых интерпретациях. Комический мультфильм «Война мышей и лягушек» напоминает «Иллиаду» Гомера, античных героев, которые, однако, выглядят здесь как пародия. Такой процесс саморегуляции внутри каждой культуры, как видно, также характерен для античной литературы. Спустя несколько столетий пародии на рыцарские романы, подобно ветряным мельницам «Дон Кихота», искали отличительные черты изменяющегося и обновляющегося мира в сравнениях и аналогиях. Говоря о «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, Б. Шкловский верно оценивает позицию в истории литературы «Дон Кихота» Сервантеса как пародию на более ранние рыцарские романы. Вместе с тем, делая такой вывод: «Рабле придал новый дух старому роману», исследователь подчеркивает: «Гаргантюа и Пантагрюэль» – это наиболее совершенный пример пародии (или межтекстовой связи) в жанре романа с идеей», «величайший романы – это пародии на сами романы» (Шкловский, 1929).

По этому поводу Ю. Тынянов в своем исследовании «О пародии» пишет, что «Нельзя забывать, что в систему литературы входят и некоторые старые явления, играющие роль современную; с этим стоит в связи интереснейшее явление переадресованной пародии: пародируется какое-либо старое произведение или старый автор, на которого опирается какое-либо современное направление в литературе. Это, между прочим, разрушает целый ряд формальных аналогий, на основании которых произведения замыкаются в насильственное ложное единство, и выдвигает требование объединения по функциональному признаку» (Тынянов, 1977).

Мы следим за подобными явлениями, которые Ю. Тынянов называет пародией, в современной литературе и различных интертекстуальных текстах. Достаточно неожиданные, абсолютно не закрытые, то есть полностью открытые тексты, без соблюдения трех принципов единства открывают и расширяют границы мышления, а разделенные на части сюжеты дают возможность адресату не только следить за событиями, но и находиться внутри них. Эволюция происходит не только через изобретение новой формы, но также благодаря становлению, то есть образованию новой функции существующей формы. Пародия – это не избавление от существующей традиции в литературе, а функция придания тексту новых оттенков. Ю. Тынянов выдвигает мысль о необходимости сознательного изменения писателями пародии во имя развития литературы, чтобы она была открыта инновациям (Тынянов, 1977).

По словам В. Шкловского, «Мысль все время возвращается к первобытному рисунку, скрытому в подземных катакомбах. Ведь там темно. Жест, он же необходимость, тесно связан с рисунком, и в этом смысле темнота не помеха» (Шкловский, 1929). В этих преобразованиях «не пародия только, но и всякое произведение искусства создается как параллель и противоположение какому-нибудь образцу. Новая форма является не для того, чтобы выразить новое содержание, а для того, чтобы заменить старую форму, уже потерявшую свою художественность» (Шкловский, 1929). Эта теоретическая оценка объясняет различия художественной литературы между основным и вторым текстом.

В начале XX века русский литературный критик Альфред Бем называл повторный оборот схожих текстов в художественной литературе «литературным припоминанием» и исследовал эти идеи в свете мировой и русской литературы. Авторское исследование творчества Достоевского, в частности, проведение аналогии между текстами Н. Гоголя «Грозное наказание» и Ф. Достоевского «Хозяйка», является новой интерпретацией подобных мотивов и выявляет интертекстуальную связь. А. Бем подчеркивает, что «Достоевский – гениальный читатель, или точнее – гениальный истолкователь чужого художественного творчества. Но, в сущности, задача моя еще уже – я хочу показать, как в Достоевском преломлялось творчество трех наших крупных писателей, его предшественников, – Грибоедова, Пушкина и Гоголя» (Бем, 2001: 266). Эти его идеи как бы продолжены в словах и подходах М. Бахтина, в его идее о существовании полифонии в жанре романа и готовят новый этап теоретической мысли в указанной области.

Идея М. Бахтина о том, что «культурно-историческая телепатия» как феномен подсознания в художественных текстах вызывает «передачу и умножение сложных умственных и художественных комплексов между пространствами и временами» (Бочаров, 2007: 35), есть указание на интертекстуальность. В исследовании М. Бахтина возврат к известным текстам также названо мениппеей. В своих изысканиях поэтики Ф. Достоевского автор рассматривает событие мениппеи в романах литературы эпохи Возрождения и философских трактатах средневековья, а также в древнерусских сатирических текстах.

Подобные рассуждения в определенной степени связаны с древней философской мыслью. М. Бахтин характеризует учение Платона о припоминании (анамнесис), то есть «припоминании того, что думает разум в мире мысли до того, как

душа сойдет в мир и войдет в человеческое тело» на основе подобных текстов, которые время от времени появляются в литературе. Термин «реминисценция», часто используемый в литературной критике XX века, – это переход к новому этапу тысячелетней памяти литературы, наличие новых импровизаций существующих элементов и мотивов в литературе и искусстве, наличие аллюзий и ретроспектив. В истории литературы «культурно-историческая телепатия», «литературное припоминание», мениппея или реминисценция выделяются не по первичным, а по производным признакам. Ключевым моментом здесь является не первичность формирования, а функция передачи, которая сама по себе – часть великого порядка и действует как акт подсознания. М. Бахтин в своей монографии «Проблемы поэтики Достоевского» пишет: «Мы считаем Достоевского одним из величайших новаторов в области художественной формы. Он создал, по нашему убеждению, совершенно новый тип художественного мышления, который мы условно назвали полифоническим. Поэтому-то его творчество не укладывается ни в какие рамки, не подчиняется ни одной из тех историко-литературных схем, какие мы привыкли прилагать к явлениям европейского романа» (Бахтин, 2002: 31).

Главное здесь – идея полифоничности романа и его подчинение традиционной литературно-исторической схеме. В трудах М. Бахтина полифония или многоголосие стали изучаться под названием интертекстуальность в конце 60-х годов XX века. Согласно современным литературным критикам, теоретические основы интертекстуальности восходят к концепции полифонии М. Бахтина и сочинениям Ю. Тынянова о пародиях. Ю. Тынянов называет пародию на старое произведение или автора в современной литературе интересным литературным событием, но в то же время считает это новым направлением. Автор объясняет интертекстуальные отношения, обращаясь к конкретному тексту в новом тексте с фразой «направленность на какое-либо произведение». По мнению исследователя, «направление не означает связи какого-либо произведения с другим произведением, а есть особый акцент на этой связи» или «эта ориентация может включать не одну, а несколько произведений, и объединяющие их черты – жанровые, авторство или эти и другие литературные направления». Все это соединяется в проблемы, изучаемые современной литературной критикой в качестве *интертекстуальности*. Использование Ю. Тыняновым при переводе слова *пародия* выражения Н. Остолопова *перепесень* или *пере-*

нев более четко объясняет как семантику, так и функцию этого слова: «это старое слово литературного теоретика, поэта и пародиста начала XIX века Остолопова, оно содержит сближение понятий пародии и подражания, вариаций (перепеснь – перепев)» (Тынянов, 1977).

Ссылаясь на понятие «свое слово» или «чужое слово», с которым мы сталкиваемся в большинстве исследований интертекстуальности, Ю. Тынянов приходит к выводу о том, что «сюда не подойдут замечательные пародии Н. Полевого, в эволюционной связи с которыми стоят столь же замечательные и столь же мало комические пародии Панаева» (Тынянов, 1977: 284–309). Такой подход открывает как для художника, так и для исследователя более широкие возможности. Развитие литературы происходит не только с открытием новых форм, но и с применением старых форм к новой функции.

В период наступления эпохи постструктурализма исследования Р. Барта также повлияли на теорию интертекстуальности. При более близком знакомстве с историей литературы в рамках теории интертекстуальности выясняется, что появление одного текста в другом было обычным явлением и имело место на всех этапах исторического развития литературных процессов. То, что фольклорные тексты стали ведущей темой классической литературы, переход образов и сюжетов античной литературы в средневековье и в новую литературу подтверждает преемственность и периодичность этого процесса. Искусство слова, возникшее еще в рамках первобытной культуры, благодаря своей функции воссоздания и воспроизводства формирует устойчивость и последовательность развития художественной литературы. Интертекст древней литературы становится составной частью последующих этапов литературы. Мифические тексты, образы и мотивы, пришедшие из эпоса в современную литературу, наряду с интеграцией в новый текст обогащают текст новыми понятиями и значениями. В образцах античной литературы все детали, составляющие текст, участвуют в передаче читателю сочетания необходимых вербальных и невербальных знаков. Подобные тексты представляют основную идею через изощренные детали и коды. Использование первичной информации в качестве символов исходит из внутренней логики древнего текста. Миф как движущая сила античной литературы своей информативной насыщенностью и системой кодов занимает значимое место в истории литературы. Художественное слово, присутствующее во все периоды истории, основано на

многочисленных мифологических структурах. Иногда это проявление достигает своего пика, а иногда о нем вспоминают, хотя и косвенно, лишь на когнитивном уровне.

Поскольку художественный текст воздействует как на сердце, так и на разум читателя, то даже самая маленькая часть структуры этого текста становится носителем эстетической информации. Миф своими кодами в текстах переводит историю литературы на новый этап. Отношения между автором, текстом и читателем определяются, как видно, культурными, социальными и языковыми факторами. Проекция древних и средневековых текстов в современную литературу – это не кризис становления нового текста. Это прецедент превращения текстов в главный ориентир художественной литературы во все периоды истории ее развития. Информация, которую мы восприняли ранее, при усвоении художественного текста является «фоновым знанием» (Молчанова, 2011). Подобные знания основаны на культурно-исторических и реальных фактах. Именно эти фоновые знания образуют невидимую связь между читателем – текстом – автором, которая составляет ядро интертекстуальных текстов.

Выводы. Включение в художественные произведения отрывков, изображений и сюжетов из других текстов само по себе является процессом создания нового текста, а также современной фазой межпоколенческих связей. Современная литература формирует интертекстуальную связь посредством текстов древних мифов и эпосов, заимствуя образы, мотивы, а иногда и просто имена героев этих текстов. Идет процесс вос-

произведения мифических образов и мотивов в памяти или подсознании автора и читателя как из древнегреческой литературы, так и из художественной мысли Древнего Востока с желанием понять глобальные проблемы современного мира. Подобная новейшая интеграция и возможность включения в художественные тексты в обновляющемся мире дает толчок дальнейшему развитию культуры и литературы.

Наличие кодов в художественных текстах, которые происходят из традиции или из богатой сокровищницы мировой литературы, в современной художественной литературе с ее новым смыслом и функцией создания текста направляет взгляды на первоисточники. Интеграция текстов, принятых в качестве исходного или основного текста в литературоведении, в новые произведения имеет разное значение в зависимости от времени. Эпос «Китаби-Дада Горгуд» – один из основных текстов, к которым обращались наши писатели в XX и XXI веках в азербайджанской литературе. В произведениях Микаила Рзагулузаде, Анара, Наби Хазри, Арифа Абдуллазаде, Мовлуда Сулейманлы, Камала Абдуллы по мотивам эпоса «Китаби-Дада Горгуд» межтекстовая связь дана не закрыто, а открыто. Близость названий и функций образов, цель, с которой писатель или поэт обращается к саге, зависит от времени автора. Цитаты, аллюзии, воспоминания, переходящие от одного текста к другому, обретают новый смысл. Различные черты мотивов и образов эпоса «Китаби-Дада Горгуд» проявились в азербайджанской литературе в творчестве М. Сулейманлы в конце XX века и Камала Абдуллы в начале XXI века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бекиргызы П. Русская формальная школа и современная филологическая мысль. *Актуальные проблемы науки и образования*. 15 октября 2019 года. Баку: «Эртем кафкарс егитим яинлари», 2019. С. 100–111.
2. Дзык Р.А. От поэтики А. Поттебни к теории интертекстуальности. *Tematy i Konteksty*. 2003. No. 3 (8). P. 266–275. URL: <https://docplayer.com/60952967-Roman-dzyk-ot-poetiki-a-potebni-k-teorii-intertekstualnosti-tematy-i-konteksty-nr-3-8.html>.
3. Шкловский В.Б. О теории прозы. Москва : Изд. «Федерация», 1929. 265 с.
4. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. О пародии Кино. Москва, 1977. С. 284–309.
5. Эпштейн М.Н. О Юрии Тынянове. 1977. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_tynianov.html.
6. Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 448 с.
7. Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. Москва : Языки славянских культур, 2007. 656 с.
8. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. *Собрание сочинений* : в 7 томах. Москва : Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. Т. 6.
9. Молчанова Н.С. Роль прецедентного имени в восприятии художественного текста. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2011. № 15. С. 87–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pretседentnogo-imeni-v-voсприyatii-hudozhestvennogo-teksta-1>.

REFERENCES

1. Bekirgyzy P. (2019) Russkaya formal'naya shkola i sovremennaya filologicheskaya mysl' [Russian formal school and modern philological thought]. // Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya. 15 oktyabrya 2019 goda. Baku. "Ertem kafkars egitim yainlari". pp. 100–111. [in Russian].

2. Roman Dzyk. Ot poetiki A. Potebni k teorii intertekstual'nosti [From the poetics of A. Potebnya to the theory of intertextuality]. // <http://docplayer.ru/60952967-> [in Russian].
3. SHklovskij V. (1929). O teorii prozy [On the theory of prose]. Izd. "Federaciya". M.: 265 s. [in Russian].
4. Tynyanov YU.N. (1977). Poetika. Istoriya literatury. O parodii Kino [Poetics. Literary history. About the parody of Cinema]. M. pp. 284–309. [in Russian].
5. Mihail Epshtejn. O YUrii Tynyanove [About Yuri Tynyanov]. // <http://www.emory.edu/> [in Russian].
6. Bem A.L. (2001). Issledovaniya. Pis'ma o literature [Research. Letters about literature]. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury. 448 s. [in Russian].
7. Bocharov S.G. (2007). Filologicheskie syuzhety / S.G. Bocharov [Philological plots]. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur. 656 s. [in Russian].
8. Bahtin M.M. (2002). Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. // *Sobranie sochinenij v 7 tomah* M.: Russkie slovari, YAzyki slavyanskoj kul'tury. T. 6. [in Russian].
9. Molchanova N.S. Rol' precedentnogo imeni v vospriyatii hudozhestvennogo teksta [The role of a precedent name in the perception of a literary text]. // <http://ematf.pskgu.ru/>.